The graphic features a central text block surrounded by several geometric shapes. To the left of the text is a large light gray square with a smaller dark gray square overlapping its top-left corner. Below this square is a dark gray horizontal bar. To the right of the text is a light gray horizontal bar. In the lower right quadrant of the page, there is a single dark gray square.

**100-ЛЕТИЮ
ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
ПОСВЯЩАЕМ**

СЕМНАДЦАТЬ

ВИКТОР ПЕЛЕВИН
ЮРИЙ БУЙДА
ОЛЬГА СЛАВНИКОВА
АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ
ВАЛЕРИЙ БОЧКОВ
АЛИСА ГАНИЕВА
ГЕРМАН САДУЛАЕВ
ЭРГАЛИ ГЕР
ЕВГЕНИЙ ПОПОВ
ИРИНА МУРАВЬЕВА
ВЛАДИМИР БЕРЕЗИН
ОЛЬГА БРЕЙНИНГЕР
ОЛЬГА ПОГОДИНА-КУЗМИНА
ГЛЕБ ДИДЕНКО
АНТОН СЕКИСОВ
ПЛАТОН БЕСЕДИН
МАРИЯ ПАНКЕВИЧ

Москва
2017

О СЕМНАДЦАТОМ

СБОРНИК
РАССКАЗОВ

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С30

Оформление серии *П. Петрова*

Семнадцать о Семнадцатом : сборник рассказов. —
С30 Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. —
(100-летию Октябрьской революции посвящаем).

ISBN 978-5-699-97203-6

Под этой обложкой собраны рассказы семнадцати русских писателей о Семнадцатом годе — не календарной дате, а великом историческом событии, значение которого до конца не осмыслено и спустя столетие. Что это было — Великая Катастрофа, Великая Победа? Или ничего еще не кончилось, а у революции действительно нет конца, как пели в советской песне? Известные писатели и авторы, находящиеся в начале своего творческого пути, рисуют собственный Октябрь — неожиданный, непохожий на других, но всегда яркий и интересный.

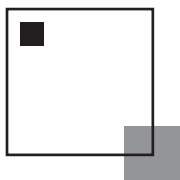
УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Березин В.С., 2017
© Беседин П., 2017
© Бочков В.Б., 2017
© Брейнингер О., 2017
© Буйда Ю.В., 2017
© Ганиева А.А., 2017
© Гер Э., 2017
© Диденко Г., 2017

© Мелихов А., 2017
© Муравьева И.Л., 2017
© Панкевич М.В., 2017
© Пелевин В.О., 2017
© Погодина-Кузмина О., 2017
© Попов Е.А., 2017
© Садулаев Г.У., 2017
© Секисов А., 2017
© Славникова О.А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97203-6

**ВИКТОР
ПЕЛЕВИН**

ХРУСТАЛЬНЫЙ МИР

Вот — третий на пути.
О милый друг мой, ты ль
В измятом картузе над взором
оловянным?

А. Блок

Каждый, кому 24 октября 1917 года доводилось нюхать кокаин на безлюдных и бесчеловечных петроградских проспектах, знает, что человек вовсе не царь природы. Царь природы не складывал бы ладонь в подобие индийской мудры, пытаясь защититить от промозглого ветра крохотную стартовую площадку на ногте большого пальца. Царь природы не придерживал бы другой рукой норовящий упасть на глаза край башлыка. И уж до чего бы точно никогда не дошел царь природы, так это до унижительной необходимости держать зубами вонючие кожаные поводья, каждую секунду ожидая от тупой русской лошади давно

уже предсказанного Дмитрием Сергеевичем Мережковским великого хамства.

— И как тебе не надоест только, Юрий? Уже пятый раз за сегодня нюхаешь, — сказал Николай, с тоской догадываясь, что товарищ и на этот раз не предложит угоститься.

Юрий спрятал перламутровую коробочку в карман шинели, секунду подумал и вдруг сильно ударил лошадь сапогами по бокам.

— Х-х-х-а! За ним повсюду всадник медный! — закричал он и с тяжело-звонким грохотом унесся вдаль по пустой и темной Шпалерной. Затем, как-то убедив свою лошадь затормозить и повернуть обратно, он поскакал к Николаю — по пути рубанул аптечную вывеску невидимой шашкой и даже попытался поднять лошадь на дыбы, но та в ответ на его усилия присела на задние ноги и стала пятиться через всю улицу к кондитерской витрине, заклеенной одинаковыми желтыми рекламами лимонада: усатый герой с Георгиевскими крестами на груди, чуть пригибаясь, чтобы не попасть под осколки только что разорвавшегося в небе шрапнельного снаряда, пьет из высокого бокала под взглядами двух приблизительно нарисованных красавиц сестер милосердия. Николай с кем-то уже обсуждал идиотизм и пошлость этого плаката, висевшего по всему городу вперемежку с эсеровскими и большевистскими листовками; сейчас он почему-то вспомнил брошюру Петра Успенского о четвертом измерении, напечатанную на паршивой газетной бумаге, и представил себе конский зад, выдвигающийся из пустоты и вышибающий лимонад из руки усталого воина.

Юрий наконец справился с лошадей и после нескольких пируэтов в середине улицы направился к Николаю.

— Причем обрати внимание, — возобновил он прерванный разговор, — любая культура является именно парадоксальной целостностью вещей, на первый взгляд не имеющих друг к другу никакого отношения. Есть, конечно, параллели: стена, кольцом окружающая античный город, и круглая монета, или — быстрое преодоление огромных расстояний с помощью поездов, гаубиц и телеграфа. И так далее. Но главное, конечно, не в этом, а в том, что каждый раз проявляется некое нерасчленимое единство, некий принцип, который сам по себе не может быть сформулирован, несмотря на крайнюю простоту...

— Мы про это уже говорили, — сухо сказал Николай, — неопределимый принцип, одинаково представленный во всех феноменах культуры.

— Ну да. И этот культурный принцип имеет некий фиксированный период существования, примерно тысячу лет. А внутри этого срока он проходит те же стадии, что и человек, — культура может быть молодой, старой и умирающей. Как раз умирание сейчас и происходит. У нас это видно особенно ясно. Ведь это, — Юрий махнул рукой на кумачовую полосу с надписью «Ура Учредительному собранию!», протянутую между двумя фонарными столбами, — уже агония. Даже начало разложения.

Некоторое время ехали молча. Николай поглядывал по сторонам — улица словно вымерла, и если бы не несколько горящих окон, можно было бы решить, что вместе со старой культурой сгнули и все ее носители. С начала дежурства пошел уже второй час, а прохожих не попадалось, из-за чего совершенно невозможно было выполнить приказ капитана Приходова.

«Не пропускать по Шпалерной в сторону Смольного ни одну штатскую блядь, — сказал капитан на разводе,

значительно глядя на Юрия. — Ясно?» — «Как прикажете понимать, господин капитан, — спросил его Юрий, — в прямом смысле?» — «Во всех смыслах, юнкер Попович, во всех».

Но чтобы не пропустить кого-то к Смольному по Шпалерной, надо, чтобы кроме двух готовых выполнить приказ юнкеров существовал и этот третий, пытающийся туда пройти, — а его не было, и пока боевая вахта сводилась к довольно путаному рассказу Юрия о рукописи какого-то немца, каковую сам Николай не мог прочесть из-за плохого знания языка.

— Как его зовут? Шпуллер?

— Шпенглер, — повторил Юрий.

— А как книга называется?

— Неизвестно. Я ж говорю, она еще не вышла. Это была машинопись первых глав. Через Швейцарию провезли.

— Надо запомнить, — пробормотал Николай и тут же опять начисто забыл немецкую фамилию — зато прочно запомнил совершенно бессмысленное слово «Шпуллер». Такие вещи происходили с ним все время: когда он пытался что-то запомнить, из головы вылетало именно это что-то, а оставались разные вспомогательные конструкции, которые должны были помочь сохранить запоминаемое в памяти, причем оставались очень основательно. Пытаясь вспомнить фамилию бородатого немецкого анархиста, которым зачитывалась гимназистка-сестра, он немедленно представлял себе памятник Марку Аврелию, а вспоминая номер какого-нибудь дома, вдруг сталкивался с датой «1825» и пятью профилями — не то с коньячной бутылки, не то из теософского журнала. Он сделал еще одну попытку вспомнить немецкую фамилию, но вслед за словом «Шпуллер» вы-

скочили слова «Зингер» и «парабеллум»; второе было вообще ни при чем, а первое не могло быть нужным именем, потому что начиналось не на «Ш». Тогда Николай решил поступить хитро и запомнить слово «Шпуллер» как похожее на вылетевшую из головы фамилию; по идее, при этом оно должно было забыться, уступив этой фамилии место.

Николай уже решил переспросить товарища, как вдруг заметил темную фигуру, крадущуюся вдоль стены со стороны Литейного проспекта, и дернул Юрия за рукав. Юрий встrepенулся, огляделся по сторонам, увидел прохожего и попытался свистнуть — получившийся звук свистом не был, но прозвучал достаточно предостерегающе.

Неизвестный господин, поняв, что замечен, отделился от стены, вошел в светлое пятно под фонарем и стал полностью виден. На первый взгляд ему было лет пятьдесят или чуть больше, одет он был в темное пальто с бархатным воротником, а на голове имел котелок. Лицо его с получеховской бородкой и широкими скулами было бы совсем неприметным, если бы не хитро прищуренные глазки, которые, казалось, только что кому-то подмигнули в обе стороны и по совершенно разным поводам. В правой руке господин имел трость, которой помахивал взад-вперед в том смысле, что просто идет себе тут, никого не трогает и не собирается трогать и вообще знать ничего не желает о творящихся вокруг безобразиях. Склонному к метафоричности Николаю он показался похожим на специализирующегося по многотысячным рысакам конокрада.

— П'гивет, 'сбята, — развязно и даже, пожалуй, нагло сказал господин. — Как служба?

— Вы куда изволите следовать, милостивый государь? — холодно спросил Николай.

— Я-то? А я гуляю. Гуляю тут. Сегодня, ве'гите, весь день кофий пил, к вече'гу так уж се'гце заньло... Дай, думаю, воздухом подышу...

— Значит, гуляете? — спросил Николай.

— Гуляю... А что, нельзя-с?

— Да нет, отчего. Только у нас к вам просьба — не могли бы вы гулять в другую сторону? Вам ведь все равно, где воздухом дышать?

— Все 'гавно, — ответил господин и вдруг нахмурился: — Но, однако, это безоб'газие какое-то. Я п'гивык по Шпале'гной туда-сюда, туда-сюда...

Он показал тростью как.

Юрий чуть покачнулся в седле, и господин перевел внимательные глазки на него, отчего Юрий почувствовал необходимость что-то произнести вслух.

— Но у нас приказ, — сказал он, — не пускать ни одну штатскую блядь к Смольному.

Господин как-то бойко оскорбился и задрал вверх бородку:

— Да как вы осмеливаетесь? Вы... Да я вас в газетах... В «Новом В'гемени»... — затараторил он, причем стало сразу ясно, что если он и имеет какое-то отношение к газетам, то уж, во всяком случае, не к «Новому Времени». — Наглость какая... Да вы знаете, с кем гово'гите?

Было какое-то несоответствие между его возмущенным тоном и готовностью, с которой он начал пятиться из пятна света назад, в темноту, — слова предполагали, что сейчас начнется долгий и тяжелый скандал, а движения показывали немедленную готовность даже не убежать, а именно задать стрекача.

— В городе чрезвычайное положение, — закричал ему вслед Николай, — подышите пару дней в окошко!

Молча и быстро господин уходил и вскоре полностью растворился в темноте.

— Мерзкий тип, — сказал Николай, — определенно жулик. Глазки-то как зыркают...

Юрий рассеянно кивнул. Юнкера доехали до угла Литейного проспекта и повернули назад — Юрию эта процедура стоила определенных усилий. В его обращении с лошастью проскальзывали ухватки опытного велосипедиста: он далеко разводил поводья, словно в его руках был руль, а когда надо было остановиться, подергивал ногами в стремях, как будто вращая назад педали полугоночного «Данлопа».

Начал моросить отвратительный мелкий дождь, и Николай тоже накинул на фуражку башлык, после чего они с Юрием стали совершенно неотличимы друг от друга.

— А что ты, Юра, думаешь, долго Керенский протянет? — спросил через некоторое время Николай.

— Ничего не думаю, — ответил Юрий. — Какая разница? Не один, так другой. Ты лучше скажи, как ты себя во всем этом ощущаешь?

— В каком смысле?

Николай в первый момент решил, что Юрий имеет в виду военную форму.

— Ну вот смотри, — сказал Юрий, указывая на что-то впереди жестом, похожим на движение сеятеля, — где-то война идет, люди гибнут. Свергли императора, все перевернули к чертовой матери. На каждом углу большевики гогочут, семечки жрут. Кухарки с красными бантами, матросня пьяная. Все пришло в движение, словно какую-то плотину прорвало. И вот ты, Николай

Муромцев, стоишь в болотных сапогах своего духа в самой середине всей этой мути. Как ты себя понимаешь?

Николай задумался.

— Да я это как-то не формулировал. Вроде живу себе просто, и все.

— Но миссия-то у тебя есть?

— Какая там миссия, — ответил Николай и даже немного смутился: — Господь с тобой. Скажешь тоже.

Юрий потянул ремень перекосившегося карабина, и из-за его плеча выполз конец ствола, похожий на голову маленького стального индюка, внимательно слушающего разговор.

— Миссия есть у каждого, — сказал Юрий, — просто не надо понимать это слово торжественно. Вот, например, Карл Двенадцатый всю свою жизнь воевал. С нами, еще с кем-то. Чеканил всякие медали в свою честь, строил корабли, соблазнял женщин. Охотился, пил. А в это время в какой-то деревне рос, скажем, некий пастушок, у которого самая смелая мечта была о новых лаптях. Он, конечно, не думал, что у него есть какая-то миссия, — не только не думал, даже слова такого не знал. Потом попал в солдаты, получил ружье, кое-как научился стрелять. Может быть, даже не стрелять научился, а просто высовывать дуло из окопа и дергать за курок — а в это время где-то на линии полета пули скакал великолепный Карл Двенадцатый на специальной королевской лошади. И — прямо по тыкве...

Юрий повертел рукой, изображая падение убитого шведского короля с несущейся лошади.

— Самое интересное, — продолжал он, — что человек чаще всего не догадывается, в чем его миссия, и не узнает того момента, когда выполняет действие, ради которого был послан на землю. Скажем, он считал, что

он композитор и его задача — писать музыку, а на самом деле единственная цель его существования — попасть под телегу на пути в консерваторию.

— Это зачем?

— Ну, например, затем, чтобы у дамы, едущей на извозчике, от страха получился выкидыш и человечество избавилось от нового Чингисхана. Или затем, чтобы кому-то, стоящему у окна, пришла в голову новая мысль. Мало ли.

— Ну если так рассуждать, — сказал Николай, — то, конечно, миссия есть у каждого. Только узнать о ней положительно невозможно.

— Да нет, есть способы, — сказал Юрий и замолчал.

— Какие?

— Да есть такой доктор Штейнер в Швейцарии... Ну да ладно.

Юрий махнул рукой, и Николай понял, что лучше сейчас не лезть в расспросы.

Темной и таинственной была Шпалерная, темной и таинственной, как слова Юрия о неведомом немецком докторе. Все закрывал туман, хотелось спать, и Николай начал клевать носом. За промежуток времени между ударами копыт он успевал заснуть и пробудиться и каждый раз видел короткий сон. Сначала эти сны были хаотичными и бессмысленными: из темноты выплывали незнакомые лица, удивленно косились на него и исчезали; мелькнули темные пагоды на заснеженной вершине горы, и Николай вспомнил, что это монастырь, и вроде бы он даже что-то про него знал, но видение исчезло. Потом пригрезилось, что они с Юрием едут по высокому берегу реки и вглядываются в черную тучу, ползущую с запада и уже закрывшую полнеба, — и даже вроде не